

Е.А. Пивнева

Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский просп., 32А, Москва, 119991
E-mail: pivnel@mail.ru

«ПУТЬ К СЕБЕ»: ЭТНОНАУКА КАК НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ОБСКИХ УГРОВ

Статья основана на полевых материалах автора, собранных в разные годы в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Ее цель — выявление роли науки в стратегиях идентичности обских угров (ханты и манси). Эта тема раскрывается через концепты множественной идентичности и культурной травмы. Делается вывод о сопряженности научной и этнической идентичности у исследователей из числа обских угров. Для отражения этой специфики предлагается использовать термин «этнонаука».

Ключевые слова: Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, обские угры (ханты и манси), этнонаука, научная и этническая идентичность, культурная травма, этническое возрождение.

Введение

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в среде коренных малочисленных народов ХМАО — Югры актуализировалась потребность в поиске новых основ своей идентичности, что было связано с общественно-политической ситуацией в стране. «Научить хантов и манси быть самими собой — так бы я сформулировала основную задачу общественной организации “Спасение Югры”, — вспоминает ее первый президент Т.С. Гоголева. — И с первых шагов практической деятельности организации — забота о том, как пробудить интерес и приобщить семью к восстановлению традиционных ценностей, как укрепить уважение к самим себе, приобщить к своей культуре детей и юношество» [2007]. В новых стратегиях идентичности важная роль отводилась этноориентированным научным организациям, которые должны были «способствовать привлечению национального (= этнического) потенциала к изучению культурного наследия, более активному пробуждению этнического самосознания, сохранению языка и культуры своих народов» [Лукина, 2002, с. 121]. В числе таких учреждений был Научно-исследовательский институт социально-экономического и национального культурного возрождения обско-угорских народов, созданный решением исполнительного комитета Ханты-Мансийского автономного округа № 208 от 28 ноября 1991 г. (в настоящее время — Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, далее — ОУИПИИР, Обско-угорский институт).

В 2002 г. вышла в свет книга Н.В. Лукиной «Наука как форма общественного развития северных этносов», которая отразила формирующуюся в среде северной этнической интеллигенции тенденцию к использованию науки как формы защиты групповых интересов и стимула их социально-экономического развития (подробнее см.: [Пивнева, 2002]). Автор справедливо отметила тот факт, что потребность и готовность этнической интеллигенции заниматься научными исследованиями среди собственного народа отражали общие умонастроения в регионе, связанные с повышением «чувства национального (= этнического) самосознания», практической необходимости изучения народных традиций во имя спасения самого народа и его культуры, поднятия их престижа [Лукина, 2002, с. 13].

После выхода монографии Н.В. Лукиной прошло почти 20 лет. За эти годы появились новые интересные исследования, освещающие постсоветский период истории обских угров (работы И.В. Абрамова, В.А. Адаева, А.В. Бауло, А.В. Головнева, Е.М. Главацкой, Е.П. Мартыновой, Н.И. Новиковой, Е.В. Переваловой, О.М. Рындиной, З.П. Соколовой, В.И. Сподиной, Е.Г. Федоровой и др.). Настоящий прорыв в угроведении произошел благодаря стремительному вхождению в науку самих ханты и манси (Р.К. Бардина, Т.В. Волдина, В.С. Иванова, М.А. Лапина, Т.А. Молданова и Т.А. Молданов, С.А. Попова, Р.Г. Решетникова и др.). Накоплен значительный объем публикаций, посвященный истории ОУИПИИР и научной деятельности отдельных исследователей [Ученые..., 2001; Волдина, 2005, 2006; Берендеева, Герасимова, 2012; Волдина, 2016; Волдина, Ершов, 2017; Сподина, 2017; и др.], однако роль науки в дискурсе этнической идентичности ос-

мыслена пока недостаточно. В настоящей статье предпринята попытка частично восполнить этот пробел.

Автор обращается к теме через концепт множественной социальной идентичности [Семеновко, Морозова, 2017; и др.]. Сложная система самоидентификации индивида предполагает наличие разных ее форм, в том числе — профессиональной и этнической. Такой подход приводит к заключению о совмещении в научной деятельности обских угров социальных ролей ученого и представителя своего народа. Чтобы подчеркнуть эту сопряженность (научной и этнической идентичности) я буду использовать термин «этнонаука». В чем заключается специфика этнонауки? Каковы ее социальные функции и приоритеты, преимущества и ограничения? Что является причиной расхождения между «своими» и «чужими» исследователями? Поиску ответов на эти вопросы посвящено основное содержание данной статьи.

В качестве точки анализа выбран Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, где в 2018 г. был проведен опрос научной интеллигенции из числа обских угров. Кроме полевых материалов автора (далее — ПМА) обобщена информация, содержащаяся в отчетах ОУИПИИР, использованы также биобиблиографические издания и справочники, посвященные ученым из числа обских угров.

Обско-угорский институт как фактор этноконсолидации

В числе созданных на волне «этнического возрождения» институций (подробнее см.: [Пивнева, 2016]) ОУИПИИР принадлежит особая роль как фактору консолидации коренных малочисленных народов Югры и роста их этнического самосознания. По оценке Т.С. Гоголевой, «наличие таких учреждений, где работают состоявшиеся люди из среды наших народов, несомненно, оказывает влияние на то, что число всевозможных инициатив в городе растет. Все это формы поддержания нашего единения» [ПМА, 2010].

Этноконсолидирующая роль института особенно ярко проявилась в конце 1990-х — начале 2000-х гг.¹ В тот период большое внимание уделялось подготовке «своих» научных кадров. Первые организаторы этнонауки² концентрировали вокруг новой структуры представителей этнической интеллигенции, владеющих языком, знающих обычаи и традиции, «чтобы собирать, изучать и публиковать произведения устного народного творчества, восстанавливать утраченные праздники, обряды, художественные промыслы» [Сподина, 2017, с. 6]. Институт становился «местом единения» этнической интеллигенции обско-угорских народов во время проведения конференций и других мероприятий, где обсуждались насущные проблемы сохранения и развития коренных народов Югры. Молодой научный центр поддерживался окружными властями, общественной организацией «Спасение Югры», а также известными учеными (Ю.В. Андуганов, Н.В. Лукина, М.И. Черемисина и др.), взявшими на себя подготовку специалистов. Становление фольклористического направления на территории округа в этот период связано с именем известной венгерской исследовательницы Е.А. Шмидт [Волдина, 2016, с. 154].

Как показывают полевые материалы, Обско-угорский институт и сегодня находится в числе основных этноориентированных учреждений округа. Отличительная черта его сотрудников-северян выражается в желании посредством своей деятельности сохранить для потомков «уходящую» в силу разных причин культуру своего народа [Волдина, 2005, с. 385]. Через «возрождение», «реставрацию», «возвращение» ведется поиск «опорных точек» этнической культуры, а также своих персональных «корней» в этой культуре. Как пишет Т.В. Волдина: «Посредством собирательской, аналитической и просветительской деятельности представителей обских угров языки и этническая культура начинают возвращаться к своим носителям... исследовательская деятельность представителей народов Севера становится одним из важнейших факторов самовоспроизводства национальных культур, формирования этнического самосознания современного поколения» [Волдина, 2007, с. 150].

«Свои» — «Чужие»

Специфика созданных на волне «этнического возрождения» научных центров состояла в том, что их коллективы были сформированы в основном из представителей народов Севера и

¹ Как «этноконсолидирующий» этап в истории становления ОУИПИИР Т.В. Волдина выделяет 1997–2004 гг. [2016, с. 150–155].

² Первым директором института стала Евдокия Андреевна Немысова (1991–1998). В различные годы институт возглавляли: Маина Афанасьева Лапина (1998–2001); Татьяна Владимировна Волдина (2002–2004); Светлана Алексеевна Попова (2005–2006); Виктория Ивановна Сподина (с 2010).

находились непосредственно на территории их проживания, имели статус окружных учреждений, ставили перед собой не только научные, но и практические социальные задачи. Была еще одна особенность — субъективного плана. Большинство ставших на путь науки северян являлись одновременно «носителями» и исследователями этнических языков и культур своих народов. То обстоятельство, что многие из них были выходцами из семей рыбаков, охотников, оленеводов и в определенной мере сами относились к тому традиционному обществу, которое изучали, накладывало отпечаток на выбор научных тем (влияние традиционных сакральных запретов) и источниковую базу этнографических исследований (формировалась в основном из собственных, усвоенных с детства, знаний) [Лукина, 2002].

Характеризуя становление научных коллективов в Западной Сибири, Н.В. Лукина подчеркивает, что «научные сотрудники, обладающие не только народным, но и научным знанием своей традиционной культуры, *в наибольшей степени способны выразить суть, основные достижения и своеобразие своей этнической культуры* (курсив мой.— Е. П.). Тот факт, что исследования выполнены самими носителями этой культуры, показывает их высокий потенциал, возможности включения в современную цивилизацию» [Лукина, 2002, с. 23]. Эти высказывания были (и во многом остаются) созвучны саморефлексиям представителей научной интеллигенции из числа обских угров, которые, по их мнению, «внутренне ориентированы не на западный логический путь познания, а на восточный интуитивный, не отделимый от собственного индивидуально-чувственного опыта» (Т.А. Молданова; цит. по: [Волдина, 2016, с. 153]); «неразрывная связь исследователя и культуры, которую он изучает, наносит определенный отпечаток и на характер его исследований, и на те выводы, которые он делает, придает особый колорит его научной деятельности в целом. Те, кто вырос в традиционной среде, обладают общим пониманием, скорее даже, чувствованием родной культуры, родных языков» [Волдина, 2006, с. 27].

Следует отметить, что подчеркивание уникальности научных сотрудников-северян как носителей родного языка и культуры и отстаивание независимости созданных в Западной Сибири научных центров (в основном на стадии их становления) были эмоционально актуализированы. Об этом можно судить, например, по таким высказываниям: «Сама жизнь поставила нас перед необходимостью привлечь науку, которую представляли бы сами малочисленные народы Севера... Само время и сами события ориентировали нас на подготовку кадров из представителей малочисленных народов Севера. До сих пор было принято, что люди откуда-то приезжали, и получались как бы лабораторные выводы, оторванные от жизни»; «Для самооценки, для самосознания это играет большую роль. Мы доказываем и себе, и окружающим, что мы тоже можем заниматься наукой о самих себе»; «Очень важно сейчас приучить человека к тому, что он не должен надеяться ни на кого, а нужно самому иметь чувство хозяина» [Лукина, 2002, с. 122, 123, 143].

Такие умонастроения в среде исследователей из числа народов Севера (противопоставление «своих» — «чужим») вызвали на определенном этапе некоторую напряженность во взаимоотношениях угроведов. Актуальность этой проблемы была подчеркнута, например, на конференции «Сакральное и традиционное в культуре» (Москва — Республика Алтай, 6–15 июля 2003 г.) в выступлении З.П. Соколовой [2004].

На слабости подобного рода исследований в теоретико-методологическом плане обратил внимание на XIII Конгрессе антропологов и этнологов России (Казань, 2–6 июля 2019 г.) акад. В.А. Тишков. Приведу некоторые выдержки из его доклада: «Еще один вызов обозначился в попытках узурпировать концепт культуры аборигенными сообществами — носителями якобы неких архетипов, исключительных собственников индигенных культурных брендов с получением свидетельств-патентов на статус “живого культурного наследия”... Несомненно, аборигенная антропология продемонстрировала некоторые преимущества по части знания миноритарных культурных практик и языков, но тем не менее... представители этого направления не смогли анализировать собственное общество столь же глубоко, как это делали “профессиональные чужаки”, т.е. они не смогли отстраниться и занять критическую позицию, что является условием научного проникновения... мотивы или воспевания-прославления, или несправедливых страданий от чужаков в отношении представителей их собственной культуры и народа, но никак ничего от противного. Вот эта “симпатизирующая этнография”... с исключительным вниманием только к собственной культуре, что почти наверняка ведет к утрате стремления и возможности установить истину» [Тишков, 2019, с. 504–505]. Впрочем, он отметил также, что слабости «домашней антропологии» свойственны и представителям доминирующего большинства и выразил уверенность, что со временем эта ограниченность уйдет в прошлое.

В 2018 г. у меня состоялась беседа с первым директором Обско-угорского института Е.А. Немысовой, которая поделилась своими размышлениями о трудностях этнонауки и необходимости ее выхода «за рамки» своей культуры: «Нам же трудно почему? Потому, что мы свои традиции должны усвоить, российскую традицию, мировую традицию. А мы сильны только своей традицией, а в другом — не очень... Мне чем нравится Доменик, французский исследователь, Тулуз, Цимбалистенко. Они берут [рассматривают] мировую культуру, российскую культуру в сравнении с нашей, обско-угорской, культурой. А нам вот так размышлять еще трудно, пока размышляют на уровне только своей культуры: Я, говорит, сама все знаю. Вот это нас убивает... Нам пока трудно совмещать все эти составляющие, потому, что мы до определенного времени знали только свой родной язык. Надо время для этого...» [ГМА, 2018].

Наука как стратегия «совладания»

Что касается мотивов «воспевания-прославления, или несправедливых страданий от чужаков», мне представляется, что логику такой стратегии можно объяснить в рамках теории культурной травмы [Штомпка, 2001; Caruth, 1995; Alexander, 2004; Eyerman, 2013 и др.]. А именно — как своего рода протестные действия, призванные компенсировать действительные и мнимые обиды; чувство «второсортности», утвердившееся у северных народов в силу известных политических, социальных и исторических причин.

Речь идет о характерной в целом для советского периода политике государственной опеки (патернализма), которая при всех ее положительных моментах и достижениях фактически осуществлялась на основе отрицания ценностей северных народов. Такой подход, как справедливо считает В.А. Кряжков, «нельзя считать дискриминационным, ибо он носил всеохватывающий характер, отражал свойства тоталитарного режима, хотя применительно к малочисленным этническим обществам его результативность оказалась в чем-то наиболее разрушающей» [2004, с. 128]. В результате в различных сферах жизнедеятельности народов Севера оказался ряд моментов, которые по своим последствиям (в более широком или узком смысле) можно отнести к состояниям, схожим с культурной травмой.

Об этом свидетельствуют эмоционально окрашенные высказывания представителей обско-угорской интеллигенции, содержащиеся в той же книге Н.В. Лукиной: «По научным работам видно, что наша культура — ценная, она имеет такую же ценность в ряду подобных себе культур. А на бытовом уровне мы всегда сталкивались с пренебрежительным отношением к нам»; «Нужно было доказать, что у малочисленных народов Севера есть своя культура. А то приезжие или в администрации всегда говорят, что это отсталые народы, нецивилизованные, на какой-то стадии. Для нас это очень тяжело и больно, это была как бы наша боль» [Лукина, 2002, с. 213]. В связи с этим важно подчеркнуть именно субъективный аспект данного феномена. «Травма там, где несоответствия, напряжения и столкновения *восприняты и переживаются* (курсив мой. — Е. П.) как проблема, нечто беспокоящее, болезненное, требующее исцеления. Тогда культурная травма проявляется в интеллектуальной, моральной и художественной мобилизации общества» [Штомпка, 2001, с. 13].

Стратегии «совладания» с культурной травмой (coping strategy) могут быть различны и выражать активную и пассивную адаптационную позицию индивидов и обществ. Среди факторов, благодаря которым социальные группы по-разному воспринимают травмы, осознают их и активно противодействуют, особая роль отводится образованию — образованные группы обычно обладают лучшими навыками активного преодоления культурных травм [Там же, с. 14]. Именно в таком контексте научная деятельность северян приобретает этнополитическое звучание восстановления достоинства и равенства и, надо заметить, уже принесла ощутимые результаты. Об этом свидетельствуют следующие суждения информантов: «Возникло понимание, что значение народа приумножается тем, что создается прослойка интеллигенции, именно ученой интеллигенции. Они создают культурный фонд, поднимают значение народа... И люди другими глазами начинают смотреть на хантов и манси. Раньше их считали примитивными народами, анекдоты сочиняли. Сейчас тоже анекдоты есть, но уже совершенно другие — *какой-то хант хитрый, мудрый становится*. Раньше он был — простачок, которого обманывали все время, подсмеивались (в народном фольклоре, в анекдотах, которые придумывали вахтовики и прочие). Сегодня совсем в другом образе предстает. Он тоже ЧЕЛОВЕК!» [ГМА, 2010].

Изменение общественного мнения по отношению к коренным народам Югры в положительную сторону показали и исследования, проведенные Т.А. Молдановой среди казымских ханты: «Думаю, что все, что произошло с округом в последнее время, произвело переворот в сознании не только

аборигенов, но и рядовых жителей. Я не скажу, что нефтяники очень полюбили хантов и манси, но они, по крайней мере, знают, что этот народ имеет своих защитников... Я думаю, что в последние годы «ханты» — звучит гордо» (жен., 41 год)... Эта деятельность дает результаты, о чем свидетельствуют анкеты детей, 50 % которых никогда не слышали оскорбительных слов в отношении хантов. 85 % детей ответили, что слышали о хантах положительные отзывы» [Молданова, 2012, с. 157–158].

Заключение

В контексте концепции культурной травмы активную научную деятельность северян в рамках своей культуры можно расценить как своеобразную стратегию сопротивления, направленную на спасение своего народа и его культуры и поднятие их престижа. В качестве оборотной стороны такой стратегии проявляются некоторые слабые стороны («симпатизирующая этнография»), которые постепенно преодолеваются по мере интеграции северной этнонауки в более широкий научный контекст.

В настоящее время обско-угорские ученые стремительно шагают в мир «большой» науки, расширяя тематические и географические рамки своих исследований. Родившись на политической волне 1990-х гг. как разновидность общественной деятельности, направленной главным образом на защиту гражданских прав своего народа, в процессе дальнейшего развития наука приобретает самостоятельную ценность и в значительной степени направлена на возвращение «утраченного» знания и его использование в современном контексте. В 2020 г. на мой вопрос: «Почему Вы предпочли науку политике?» — Т.А. Молданова ответила: «Все очень просто. Для меня наука — это единственный способ *понять свою культуру*. Наука помогает выявить те составляющие традиционной культуры, которые и в современной жизни продолжают довлеть над личностью. Понимание, в свою очередь, дает возможность, используя резервы традиции, *помочь другим адаптироваться в изменившемся мире*» [ГМА, 2020].

Через «возрождение» и «реставрацию» ведется поиск «опорных точек» культуры, этнической самоидентификации. Людями, родившимися в городе и/или оказавшимися по той или иной причине «оторванными» от традиционных форм и проявлений культуры, сфера науки зачастую воспринимается как путь к себе, к истокам своей культуры: «Я-то, получается, в этой сфере с самого начала и до конца уж. Раз этнография — это же специальность, направление научное, которое обязывает уже в этом быть, вариться». [ГМА, 2018]. Этнонаука, способствующая выявлению и распространению знаний об этнической культуре обских угров, остается актуальной формой укрепления этнического самосознания этих народов. По сути, речь идет о новых механизмах (вос)производства этничности.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Берендеева С.П., Герасимова С.А. Обзор изданий Обско-угорского института прикладных исследований и разработок за 1991–2001 гг. // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: Традиции и инновации: Материалы дистанционной науч.-практ. конф. X Югорские чтения (20 дек. 2011 г., г. Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр, 2012. С. 263–275.

Волдина Т.В. Этнографическое направление в исследованиях научно-исследовательского института угроведения // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всерос. науч. конф. финно-угроведов (1–4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2005. С. 384–386.

Волдина Т.В. Этнокультурные и исторические предпосылки развития финно-угроведения в Ханты-Мансийском автономном округе // Вестник Югорского государственного университета. 2006. № 2. С. 24–30.

Волдина Т.В. Влияние научной деятельности представителей коренных малочисленных народов Севера на современное этнокультурное развитие ХМАО-Югры // VII Конгресс этнографов и антропологов России: Доклады и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. Саранск, 2007. С. 150.

Волдина Т.В. Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок: История становления (1991–2009) // Вестник угроведения. 2016. № 4 (27). С. 144–160.

Волдина Т.В., Ершов М.Ф. Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок в 2010–2016 годах: Направления и результаты деятельности // Вестник угроведения. 2017. № 1 (28). С. 148–159.

Гоголева Т.С. О ценностях коренной Югры: Статьи, исследования, размышления: Сборник материалов по вопросам коренных малочисленных народов Севера. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. 26 с.

«Путь к себе»: этнонаука как новая стратегия идентичности обских угров

Кряжков В.А. Правовые основы развития народов Севера и Сибири // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный доклад. М.: Новосибирск, 2004. С. 124–132.

Лукина Н.В. Наука как форма общественного развития северных этносов. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 348 с.

Молданова Т.А. Этническая идентичность современных хантов // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: Традиции и инновации: Материалы дистанционной науч.-практ. конф. X Югорские чтения (20 дек. 2011 г., г. Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр, 2012. С. 146–159.

Пивнева Е.А. Институты и практики «этновосстановления» у народов Западной Сибири (по обско-угорским материалам) // Вестник ТГУ. История. 2016. № 5 (43). С. 85–89.

Пивнева Е.А. Рец. Н.В. Лукина. Наука как форма общественного развития северных этносов // ЭО. 2004. № 6. С. 153–156.

Семененко И.С., Морозова Е.В. Идентичность в меняющемся мире: Ориентиры, смыслы, траектории динамики // Идентичность: Личность, общество, политика. Энцикл. изд. М.: Весь мир, 2017. С. 77–87.

Соколова З.П. «Нашу культуру мы изучим сами»: Проблемы контактов и научной работы с иноэтничными коллегами // Сакральное в традиционной культуре: Методология исследования, методы фиксации и обработки полевых, лабораторных, экспериментальных материалов: Материалы Междунар. интердисциплинар. науч.-практ. семинара-конф. (Москва — Республика Алтай, 6–15 июля 2003 г.). М., 2004. С. 50–61.

Слодина В.И. Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок: 25 лет служения ХМАО — Югре // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера: Сборник статей по материалам науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 25-летию Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (25 ноября 2016 г., Ханты-Мансийск). Ч. 1: Филологические исследования. Тюмень: ФОРМАТ, 2017. С. 5–13.

Тишков В.А. Да изменится молитва моя: 30 лет спустя // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: Сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. Москва; Казань, 2019. С. 498–506.

Ученые обско-угорских народов: Библиогр. справ. / Отв. ред. Т.В. Волдина. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2001. 294 с.

Штомка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

Alexander J. et al. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkley: University of California Press, 2004. 304 p.

Caruth S. Trauma and experience: An introduction // Trauma: Explorations in memory. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1995. P. 3–12.

Eyerman R. Social theory and trauma. Acta Sociologica. 2013. Vol. 56. № 1. P. 41–53.

E.A. Pivneva

Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS
Leninsky prosp., 32A, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: pivnel@mail.ru

«The way toward oneself»: ethnoscience as a new identity strategy for the Ob Ugrians

This paper investigates the role of science in the identity strategies of the Ob-Ugrians (Khanty and Mansi). The main source for the study comprised author's field reports collected over the years in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra. As the reference point of the analysis we chose the Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development, where a polling of Ob-Ugric science professionals was held in 2018. The author suggests exploring the research topic through the concept of multifaceted identity. A complex system of individual self-identification implies the presence of its different forms, including professional and ethnic, amongst others. This approach leads to the conclusion on superimposing roles of a scientist and a member of the ethnic group (professional and ethnic identities) in the scientific activities of the Ob-Ugrians. To indicate this specificity, we suggest using the term 'ethnoscience'. The latter is defined in this context as an entity emerged in a specific way, spatially localized and aimed at studying the autochthonous foundations of knowledge within its ethnic community. As a methodological approach, the concept of 'cultural trauma' has been employed. Within this theory, scientific activities of the northerners are considered as a manifestation of 'coping' with the trauma. The example of Ob-Ugrians shows that ethnic science professionals are often driven by the perception of practical relevancy of such activities 'for the sake of saving the nationality and its culture and raising its prestige'. These phenomena can be regarded as a kind of protest action aimed to compensate real and perceived slights. Nowadays, research activities of the Ob-Ugrians are focused on recovery of the 'lost knowledge' and its application in the modern context. The search for the 'roots' and ethnic self-identification is carried out through 'revival' and 'restoration'. As a drawback of this strategy, some weak points evince ('sympathetic ethnography') which steadily diminish as the northern ethnoscience continues to integrate in a wider science context.

Key words: Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development, Ob Ugrians (Khanty and Mansi), ethnoscience, scientific and ethnic identity, cultural trauma, ethnic revival.

Funding. The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-05-60040 «New technologies and social institutions of the indigenous population of the Russian Arctic: opportunities and risks»).

REFERENCES

- Alexander J. et al. (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkley: University of California Press.
- Berendeeva S.P., Gerasimova S.A. (2012). Review of publications of the Augric-Ugric Institute for Applied Research and Development 1991–2001. In: *Korennyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii: Materialy distantsionnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii X Iugorskie chteniia*. Khanty-Mansiisk: Informatsionno-izdatel'skii tsentr, 263–275. (Rus.).
- Caruth C. (1995). Trauma and experience: An introduction. In: C. Caruth (Ed.). *Trauma: Explorations in memory*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 3–12.
- Eyerman R. (2013). Social theory and trauma. *Acta Sociologica*, 56(1), 41–53.
- Gogoleva T.S. (2007). About the values of the indigenous Ugra: Articles, studies, reflections: Compilation of materials on the issues of the small indigenous peoples of the North. Khanty-Mansiisk: Poligrafist. (Rus.).
- Kriazhkov V.A. (2004). Legal basis for the development of the peoples of the North and Siberia. In: V.A. Tishkov (Ed.). *Sovremennoe polozhenie i perspektivy razvitiia malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: Nezavisimyi ekspertnyi doklad*. Moscow; Novosibirsk, 124–132. (Rus.).
- Lukina N.V. (2002). *Science as a form of social development of northern ethnic groups*. Tomsk: Tomskii universitet. (Rus.).
- Moldanova T.A. (2012). The ethnic identity of modern Hants. In: *Korennyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: Traditsii i innovatsii: Materialy distantsionnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii X Iugorskie chteniia*. Khanty-Mansiisk: Informatsionno-izdatel'skii tsentr, 146–159. (Rus.).
- Pivneva E.A. (2004) Rec. N.V. Lukina. Science as a form of social development of northern ethnic groups. *Etnograficheskoe obozrenie*, (6), 153–156. (Rus.).
- Pivneva E.A. (2016). Institutions and practices of «ethnic recovery» in the peoples of Western Siberia (according to Ob-Ugric materials). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, (43), 85–89. (Rus.).
- Semenenko I.S., Morozova E.V. (2017). Identity in a changing world: Landmarks, meanings, trajectory of dynamics. In: I.S. Semenenko (Ed.). *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika*. Entsiklopedicheskoe izdanie. Moscow: Ves' mir, 77–87. (Rus.).
- Shtomka P. (2001). Social change as trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (1), 6–16. (Rus.).
- Sokolova Z.P. (2004). «Our culture we will study ourselves»: Problems of contacts and scientific work with foreign colleagues. In: *Sakral'noe v traditsionnoi kul'ture: Metodologiya issledovaniia, metody fiksatsii i obrabotki polevykh, laboratornykh, eksperimental'nykh materialov: Materialy Mezhdunarodnogo interdistsiplinarnogo nauchno-prakticheskogo seminara-konferentsii*. Moscow, 50–61. (Rus.).
- Spodina V.I. (2017). Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development: 25 years of service of KhMAO-Ugra. In: *Problemy i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo i etnokul'turnogo razvitiia korenykh malochislennykh narodov Severa: Sbornik staei po materialam nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 25-letiiu Obsko-ugorskogo instituta prikladnykh issledovaniia i razrabotok. Ch. 1: Filologicheskie issledovaniia*. Tiumen': FORMAT, 5–13. (Rus.).
- Tishkova V.A. (2019). May my prayer change: 30 years later. In: *XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii: Sb. materialov. Kazan', 2–6 iuliia 2019 g.* Moscow; Kazan'. 498–506. (Rus.).
- Voldina T.V., Ershov M.F. (2017). Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development in 2010–2016: Directions and results of activities. *Vestnik ugrovedeniia*, 28(1), 148–159. (Rus.).
- Voldina T.V. (2005). Ethnographic direction in research of the research institute of ugrovedeniya. In: *Istorii, sovremennoe sostoianie, perspektivy razvitiia iazykov i kul'tur finno-ugorskikh narodov: Materialy III Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov*. Syktyvkar: Komi respublikanskaia tipografiia, 384–386. (Rus.).
- Voldina T.V. (2006). Ethnocultural and historical prerequisites for development of finno-ugrovedeniye in Khanty-Mansi Autonomous District. *Vestnik Iugorskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 24–30. (Rus.).
- Voldina T.V. (2007). Influence of scientific activity of representatives of small indigenous peoples of the North on the modern ethnocultural development of KhMAO–Ugra. In: *VII Kongress etnografov i antropologov Rossii: Doklady i vystupleniia*. Saransk. (Rus.).
- Voldina T.V. (2016). Ob-Ugric Institute for Applied Research and Development (1991–2009). *Vestnik ugrovedeniia*, 27(4), 144–160. (Rus.).
- Voldina T.V. (Ed.) (2001). *Scientists of the Ob-Ugric peoples: Bibliogr. ref.* Khanty-Mansiisk: Poligrafist. (Rus.).

Пивнева Е.А., <https://orcid.org/0000-0001-8582-417X>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020